

Вступление в Москву и начало пожара

Мы не захотели переходить первую заставу, которую встретили по пути, и решили, взяв влево, продолжать огигать город. По приказанию принца Евгения я стал расставлять войска для охраны Петербургской дороги. Тринадцатая и пятнадцатая дивизии расположились у Петровского дворца; четырнадцатая стояла в деревне на полпути от Москвы к дворцу; легкий баварский кавалерийский полк под началом графа Орнано занял позицию в семи верстах от вышеупомянутой деревни. Под такой охраной въехал вице-король в Москву и остановился во дворце князя Мамонова на Санкт-Петербургской улице. Эта часть Москвы, отданная в наше пользование, была одной из лучших в городе. Сплошь стояли чудесные большие здания и дома, хотя и деревянные, но они нам казались и громадными, и поразительно богатыми. Магистраты, оставшись без дела и занятий, могли каждый по желанию выбрать для своего жилья один из дворцов, и каждый простой офицер жил в огромном, великолепно отделанном помещении, где чувствовал себя вполне хозяином, не видя никого кругом, кроме послушного робкого дворника, отдавшего в полное распоряжение все ключи от дома. Накануне с вечера Москва принадлежала нам, но, несмотря на это, в том квартале, где мы расположились, не видно было ни солдат, ни обитателей — до того город был велик и казался безлюден. Тяжелое безмолвие царило в нем. Самые смелые из нас и те были потрясены. Улицы были так длинные, что всадники не узнавали своих на другом конце их; когда кто-нибудь медленно приближался с другого конца улицы, видевший это не мог разобрать, враг это или друг, и, так приближаясь осторожно один к другому, они вдруг испуганно поворачивали назад и бежали друг от друга, воображая, что

встретили врага, хотя оказывалось потом, что служили под одними и теми же знаменами.

Прежде чем занять новый квартал, туда отправляли разведчиков; они осматривали дворцы и церкви, но никого не находили, кроме детей и стариков, и только изредка им попадались русские офицеры, раненые в прежних боях. В некоторых церквах алтари были разукрашены, как в дни больших праздников; горели тысячи свечей у престола, что свидетельствовало о том, что москвичи неустанно продолжали молиться до последней минуты своему любимому святому. Торжественность и святость окружающей обстановки внушали нам сильное уважение к побежденному нами народу и невольный страх, который порождает всякая сделанная большая несправедливость. Мы робко подвигались среди этого ужасающего опустошения, часто останавливались, оглядываясь назад, часто прислушивались, так как страх перед огромностью нашей победы внушал постоянно мысль о какой-нибудь западне или засаде. Малейший шум — и нам везде чудились крики нападающих и бряцание оружия. По мере приближения к центру города, особенно около базара*, нам стали попадаться изредка жители Москвы, собравшиеся у кремлевских стен. Эти несчастные, веря в старинную легенду о неприкосновенности этих стен, решились даже накануне оказать сопротивление нашему авангарду под начальством короля Неаполитанского. Наши войска моментально разогнали их, и они, пораженные своей неудачей, в слезах смотрели на высокие башни Кремля, твердыню, которую до сих пор считали «палладиумом» города. Тут же попалась нам толпа солдат, открыто торговавших краденными товарами. Охрана была поставлена только у главных магазинов со съестными припасами. Чем дальше мы шли, тем больше нам попадалось солдат, возвращавшихся с целыми свертками различных товаров, они тащили за спиной огромные куски сукна и целые головы сахару. Мы положительно не знали, чем оправдать весь этот беспорядок, но фюзелеры гвардии объяснили нам, что дым, который бросился нам в глаза при входе в город, шел от пожара в огромном здании, где были собраны все товары; здание это называлось биржей**. Русские сами подожгли его, отступая.

Вчера, рассказывали нам солдаты, мы вошли в город в полдень, а сегодня утром мы увидели огонь. Сначала мы было хотели тушить его, думая, что загорелось что-то от какой-нибудь неосторожности на наших биваках, но нам пришлось отказаться от этого, так как мы узнали, что само русское правительство отдало приказ поджечь город и убрать пожарные трубы, чтобы мы не могли ничего спасти. Очевидно, правительство рассчитывало этой отчаянной мерой нарушить дисциплину в нашем лагере и разорить класс торговцев, восставших усиленно против общего бегства из города. Вполне понятное любопытство тянуло меня вперед: чем ближе мы подходили к горящему зданию, тем больше улицы были заполнены солдатами и нищими, тащившими всевозможные предметы, причем менее ценные тут же бросались на землю, и скоро вся улица была забросана разными вещами. Наконец-то я добрался до желанной цели. От прежнего, известного своим великолепием здания почти ничего не осталось. Это был просто огромный

горящий костер — печь, откуда валились горящие балки. Двигаться можно было только по галереям, где шли рядами магазины; в этих магазинах солдаты и хозяйничали, они выламывали крышки сундуков, разбивали кассы и делили затем между собой добычу. В этой ужасающей обстановке даже не было слышно ни криков, ни возни; всего было так много, что можно было насытить самый алчный аппетит. Слышался только треск пламени, шум высаживаемых дверей и изредка страшный гул, когда обваливался вдруг подгоревший свод. Бумажные ткани, бархат, кисея, самые дорогие материи Европы и Азии — все неудержимо горело, в подвалах горели склады сахара, деревянного и постного масла, смолы и купороса, и из этих подвальных этажей пламя потоками вырывалось наружу сквозь железные толстые решетчатые отверстия.

Лабом